

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 25 (1136).

Суббота, 9 июня 1945 г.

Цена 45 коп.

А. БАССЕХЕС

„ЧАЙКА“

В театре им. Моссовета

Сцена из IV акта. На снимке (слева направо): Сорин — О. Абдулов, Дорн — Р. Плятт, Полина Андреевна — А. Алексеева, Маша — В. Марецкая, Тригорин — М. Названов, Аркадина — Т. Оганезова.

Фото Б. ФАБИСОВИЧА.

фразы чеховского текста в ремарки и в соответствии с этими, произвольно выбранными, признаками своих героев строили образ.

Маша говорит: «...жизнь свою я тащу волоком, как бесконечный шлейф». Вот так волоком, с расслабленными движениями и безнадежно опущенными руками проходит Марецкая через все четыре акта пьесы. Тригорин с горечью замечает: «У меня нет своей воли... У меня никогда не было своей воли... Вялый, рыхлый, всегда покорный — неужели это может нравиться женщине...» Обмякшим, обезличенным Названов и старается играть Тригорина. Чехов не терпит такой упрощенной наглядности. На деле Тригорин богаче, сложнее.

Когда думаешь о природе созданного Завадским спектакля, когда восстанавливаешь в памяти всю цепь мизансцен, через которые режиссер проводит актеров, начинаешь различать его замысел.

Завадский отстаивал право героев Чехова на наше сочувствие. Правильный, верный подход! Но в спектакле звучат и другие нотки. Тогда сочувствие подменяется жалостливостью. Отсюда все пороки, все излишества этого спектакля, с его прямолинейностью в обнаружении сокровенных мыслей людей, с томительными паузами и тусклой расцветкой. Строже, с суровой правдивостью надо играть на современной сцене Чехова. Писатель сам в заключительных словах Дорна дал скажут, предельно выразительную формулу своего стиля. «Лопнула склянка с эфиром». За этими простыми, будничными словами — горестный итог целой жизни.

...Было бы неправильно не видеть все то своеобразное и подчас очень выразительное, что привнес Завадский в этот неровный, но разыгранный с искренним волнением спектакль. Может быть, потому, что на первый план в нем вышли второстепенные персонажи, центром пьесы, глашатаем судьбы ее героев стал Дорн.

Есть в чеховском замысле черты, отчасти оправдывающие такую перестановку. Дорн менее всего лично заинтересован в перипетиях драмы. В нем, при всей его иронической снисходительности к человеческим слабостям, есть нечто от судьи. И этот суровый приговор жизни великолепно звучит в каждом слове Р. Плятта. Бесстрастно и грустно взирает Дорн — Плятт на давно знакомую человеческую комедию. Это дает тон всему спектаклю.

...Таковы наши впечатления от новой постановки театра Моссовета. Вывод напрашивается сам собой: герои спектакля могут возбудить в нас жалость, нам труднее им сочувствовать.

ная, взмывает чайка над озером... Чайка — не буревестник, но это тоже символ надежды.

И Треплев действует, борется, пусть только в сфере мысли. Когда раздается финальный выстрел, из пьесы уходит ее самый нервный и чуткий герой.

Для судьбы спектакля неизмеримо важнее одухотворенное, правдивое исполнение этих двух главных ролей, чем самые блестящие актерские удачи в других ролях. Если уж выбирать, то ради рельефности этих двух фигур можно принести в жертву даже единство ансамбля. Нина Заречная и Треплев — центр пьесы, средоточие ее философии и поэзии. Как раз эти два голоса не прозвучали в спектакле.

Повинны ли в том только актеры? Весь спектакль окрашен в сумеречные тона, на сцене постоянно царит атмосфера безнадежности и грусти.

По обыкновению талантливо исполняет роль Треплева М. Астангов. В спектакле есть куски, которые надолго останутся в памяти благодаря игре этого актера. Превосходно рассказывает Астангов в четвертом акте о судьбе Нины Заречной. Здесь верно найден ровный и бесстрастный тон — та отрешенность от всего личного и субъективного, за которой чувствуется затаенная душевная боль. Но это только одна из немногих блестящих догадок.

Почему Треплев кончает жизнь самоубийством? Нельзя искать причину только в крушении его любви, как это пытается, на наш взгляд, доказать Астангов, сжимая голову руками или протягивая их с мольбой к Нине. У Чехова это образ более сложный и противоречивый. Треплев — талантливый, ищущий художник — не сумел утвердить свое призвание. И трагический исход героя вовсе не предопределен. Это в первую очередь копец поэта, а не любовника.

К судьбе Треплева тяготеют все остальные узловые конфликты пьесы и ее геро-

ев. Треплев с его повышенной уязвимостью принимает на себя и осознает, как трагедию, все то, что назревает в судьбе окружающих его людей. Бремя безысходности тянет его вниз и приводит к самоубийству. Это не Треплев Астангова, не человек, более всего усталый от жизни.

А. Косенкова — молодая, безусловно, одаренная актриса. Но ей еще не под силу сложная роль Нины Заречной, может быть, одна из самых трудных ролей мирового репертуара.

В решающей сцене четвертого акта Косенкова — все та же хрупкая, трогательная, вызывающая жалость девушка. А ведь есть в Нине Заречной и другое — вера в свои силы, решимость следовать своему призванию. Без этой мечты Чехова, олицетворенной в чайке, спектаклю не хватает перспективы. Остается только изящная сентиментально-жалостливая картина давно ушедшей жизни. Она верна, и то только отчасти, при обрисовке второстепенных персонажей пьесы.

Безукоризненно, мягко и естественно проводит свою роль О. Абдулов — Сорин. Ему подстать Медведев в исполнении В. Ванина. Хороши и Шамраев (П. Герага) и Полина Андреевна (А. Алексеева). Тщательно рассчитана Т. Оганезовой роль Аркадиной. Но в сцене объяснения с Тригориним Оганезовой, как нам кажется, недостает красок для передачи тех подлинных и искусственных страстей, которые Чехов свел в короткий, стремительно развивающийся диалог, раскрыв и исчерпав в нем до конца характер Аркадиной.

О В. Марецкой — Маше и Тригорине — М. Названове приходится говорить особо. Несоизмеримы возможности опытной, большой актрисы и молодого актера, впервые занятого в такой трудной и ответственной роли. В спектакле у них общая судьба. Все, что должно звучать в подтексте, выведено ими наружу, стало предлогом для игры-показа. Порой кажется, что Марецкая и Названов превратили отдельные

«Чайка» — самая трудная, если угодно, самая «загадочная» из пьес Чехова. Всем памятен ее петербургский провал и московский триумф. Все знают, что чайка на занавесе — символ Художественного театра, образ его борьбы за новое реалистическое искусство. И если теперь талантливые актеры и крупный режиссер вновь берутся за эту пьесу, веришь, что выбор театра отвечал его внутренней потребности, что Ю. Завадский хотел создать программный спектакль.

Мир чеховских образов — это не классика, отделенная от нашего времени высокими хребтами целых исторических эпох. Живыми нитями связывает нас Чехов с прошлым. Герои «Чайки» — даже самые скромные, такие, как Сорин, Медведев и Маша, — совестливо думающие люди. И, может быть, то, что делает их по-настоящему для нас близкими, — это их неуспокоенность, потребность в лучшем, более справедливом устройстве жизни.

«Пять пудов любви», много действительно тяжелого и печального — в человеческой комедии, разыгранной у берегов колдовского озера. В эту пьесу люди приходят с уже осознанным чувством разлада и неустроенности. Сорин «хотел быть» и не стал. Маша видит безнадежность своего чувства, но не в состоянии вырвать его из сердца. Как каторжник к тачке, прикован Тригорин к своему труду. Даже умный, уравновешенный Дорн таит неосуществленные желания. На всем протяжении пьесы — картины обыденной жизни и, как глубокое подводное течение, — неразделенная любовь, мечты, победы и поражения на пути к счастью творчества.

Два героя занимают особое место в пьесе. Вместе с мечтой о славе, о яркой, осмысленной творчеством жизни зарождается любовь Нины Заречной. В каждом поступке Нины чувствуется натура деятельная. Открыто отдается она любви, решительно порывает с семьей и вступает на самостоятельный путь.

В заключительных словах Нины — «...когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни...» — итог всего ею пережитого. С опаленными крыльями, но свобод-